

Игорь Князев-Куликов

Кубань 43.

Сценарий в рифмах

18+

Игорь Куликов

Кубань 43. Сценарий в рифмах

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Куликов И. В.

Кубань 43. Сценарий в рифмах / И. В. Куликов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Действие сценария художественно-документального фильма в десяти частях из жизни Кубанского края под пятой вермахта в 1943 году происходит на Голубой линии обороны немцев и казаков. Тексты о судьбе летчика-штурмовика, попавшего в тыл врага, в прозе и стихах даны от ведущего диктора и от действующих лиц сценария. Соблюдается единство хронологии, не исключающее широких возможностей техники видеоманипуляции. Представляет интерес для любителей военной истории и словесности.

Содержание

Часть первая	7
Сюжет первый	7
Сюжет второй	10
Сюжет третий	13
Часть вторая	16
Сюжет первый	16
Сюжет второй	19
Сюжет третий	21
Часть третья	26
Сюжет первый	26
Сюжет второй	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

На фоне карты Таманского полуострова, советской мятежной Вандеи, с пометками глубины Голубой Линии обороны немцев и казаков, на экране появляются и читаются тексты введения в сценарий. Предлагается постановка художественно-документального фильма в десяти частях из жизни Кубанского края под пятой вермахта, год 1943. Персонажи титров представляются изначально отдельными кадрами последовательно в характерной по сценарию обстановке действий.

Проза и стихи даны от диктора, ведущего сценарий, и, от действующих лиц. Автор соблюдает единство хронологии, однако оно не исключает возможностей техники видео манипуляции, бдительности модераторов вкупе с ловкостью фасилитаторов, а также предполагает иммунитет читателей к любому сценическому декору или его отсутствию. Но главная наша надежда на доброжелательное восприятие военного прошлого Кубани состоит в фантазии уважаемой публики и в её памяти о Великой войне.

Прямая речь озвучена, где как, или ведущим (выделена кавычками) или действующими лицами (отмечена тире).

Взяв Кубань в киносценарий,
Я о шоу не помышлял.
Пробой формы без реалий
Хуторок сюжет венчал.

Вдаль нет смысла устремляться,
Сыты будущим вполне.
Нам бы с прошлым разобраться,
Быть в сюжетах на коне.

И, поставивши задачу,
Очертив вопросов круг,
Ленту формой взяв в придачу,
Мы кино прокрутим, друг!

Главные действующие лица, их портреты даны на откуп художника или вашей фантазии. Их исполнители – на выбор каждого!

Лётчик-штурмовик, старший сержант Иван Онебин
Полицай, казак Грицай Мовчун
Баба Катя, Катерина Ивановна
Её муж дед Василий Демьянович
Её дальняя родственница Любовь
Станичный атаман
Его заместитель Евграф Кузьмич Дудко
Уполномоченный атамана, учитель Буряк
Хромой казак Зиновий
Матрос из Одессы Гавеля
Военнопленный из Тодта Николай
Румынский унтер-офицер, бывший адъютант
Фельдфебель вермахта Валерий
Солдат вермахта казак Загубывбатько

Другие действующие лица, также при портретах.

Командир полка, майор. Начштаба полка, капитан. Штурман полка, капитан. Пилот штурмовика, лейтенант. Два пилота штурмовиков, старшие сержанты. Механик Онебина Серёга. Обер-полицай. Румын дезертир. Казак Бульбаш. Казак Микола. Жена казака Зиновия. Немец дезертир.

Статисты, без портретов.

Крестьяне хутора и станичники, немецкие офицеры и чиновники, немецкие и румынские солдаты, эвакуированные, военнопленные на оборонительных работах, фронтовые разведчики и особысты.

В фильме желательно использовать кадры кинохроники воевавших сторон. Все представленные события имеют подлинную основу и происходят в местах, отмеченных тамошними названиями.

Пусть этот хутор безымянный
С Диканькою не вечерял,
Но с Меотидою туманной
Начало в плавнях всех начал.
А в Фанагории эллинов
Рабы на дамбах гнули спины.
Здесь был античный бастион
Лозой от степи отделён.
Кто был казачков уважает,
Названия станиц найдёт.
В веках бедовый их народ
Свой дом кубанский защищает.
Что там Вандея состоялась,
То власть Советов постаралась.

Часть первая

Сюжет первый

На сцене отсек блиндажа с расположенным в нём КП полка штурмовой авиации. В центре – стол с раскинутой картой.

Где штаб, там кроют в три наката
Отсеки. Здесь КП полка.
Сидят три лётчика-солдата
Над картой, думают пока.

А рядом, там сидят пилоты.
Там смех и чей-то разговор.
Война – привычная работа,
Кубань, февраль, взревел мотор...

А три солдата – командиры.
Комдив их будни осложнил.
К проливу надо выслать илы,
Чтоб полк разведку совершил.

Кто сможет обойти заслоны,
При этом крови не пролить?
Решает комполка законный.
Судьбе, что он решил, творить.

Майор обращается к начштаба со словами “Скажи Корнею и Онебину, зайти”.

Капитан, штурман полка

– Меня б...Корнею, дело есть.

Майор

– А нам запрет не обойти.
Тебе и мне приказ: не лезть.

Начштаба поднимается, подходит к двери. Кричит:

– Комэск, Онебин, заходи!

И входят у судьбы в преддверии
Два лётчика в большом доверии.
Вошли и лихо козыряют.
Что ждёт кого, они не знают.

Майор

– Так, вольно. Подойдите к карте.
Сегодня к Чушке не дошли.
Связали мессеры на старте,
И бомб туда не довели.
Картина видится такая:
Летали, цель не достигая.

Нагрязнул праздник февраля.
Награды привезёт комдив.
Онебин, ты гордись не зря
За давний бой. Не подведи.
Тебе сегодня путь до Чушки.
Корней, две пары, подбери.
Эрэсы, бомбы, ну, и пушки.
Что там, вернись и доложи.

Маршрут им, штурман, покажи.
Ты не воюй и курс держи.
Проводят яки, как обычно.
А дальше ты в ответе лично.

Тебе, комэск, другой приказ,
На взлёт примерно через час.
Проверь маршрут. Пошли, нас ждут.

Пилот и штурман в бой идут.

Капитан

– Я курс на север проложил.
По плавням к морю выходи.
Уйдёшь от пушек, хватит сил.
Низком к проливу подходи.

А к цели враз не поспешай.
Крути, от Крыма подлетай.
Ориентиры намечай.
Как сбросишь, к дому поспешай.

Старший сержант Онебин

– А лишнее нам не к чему.
Один лечу я на войну.
Стрелок мой расхворался, слёг.
Я б пару бомб ещё взять мог.

Капитан

– Бери, смотри – бензин под крышки.
А отбомбился – кошки-мышки
Назад низко, южней беги.
Себя, парней побереги.
Сверяем время, где часы?
Ну, трогай с Богом до косы!

Сюжет второй

Выходят в унтах и шинелях лётчики из блиндажа. От света шуряются, в галошах поверх унт скользят по грязи. Иван на голову всех выше и ещё три крепыша. Они идут к своим машинам как хозяйева, как князи.

Лейтенант

– Что яков шесть, так то не плохо.
А нам бы лучше вниз, на брюхо.
И так ползти бы весь маршрут,
Всё безопасней будет тут.

Первый старший сержант

– Но есть высоты там, по курсу.
Стволов полно, видать вокруг.

Второй старший сержант

– Не дрейфь, браток, не празднуй труса.
Проскочим быстро, юный друг.

Онебин

– На них стволов не сосчитали.
Но много, многие пропали.
Вы не берите то в учёт.
Пойдём под ними, вот расчёт.

Держитесь, и не отставать.
Без мессов врежем Кузьки мать.
Прижучат – в круг, и отступать.
Крутить кино не привыкать.

По самолётам, огурцы!
Вперёд на запад, молодцы!

Первый старший сержант

– Хотя плоды в пупырышках,
Но малосольны в облаках.

Все смеются и расходятся... Онебин идёт к ближнему капониру, слушает скупой доклад друга-техника, а после помогает ему снять с машины сетки-тени. Долой галоши с унт. О рад свету солнца.

Онебин

– Галоши дашь кому-нибудь,
Коль омрачится в небе путь.

Механик Серёга

– Ты о галошах не шути.
Мне им другого не найти.
И скажешь тоже! Ну, Иван.
А боцман тот всегда был пьян.

Онебин

– Вернусь, беру слова назад.
Прости. Сказал я невпопад.

Подходит командир пилотов комэск-один Корней. Он хочет пару слов сказать, напутствуя парней.

Корней

– Могу отдать стрелка на вылет.

Онебин

– Нет, нет спасибо, Вам нужней.
А мне, так больше ил поднимет,
Нам, главно дело, без затей.

Корней

– Да, верно, уходи от встреч.
Найдут, так вцепятся гурьбой.
Бомбёров надо нам беречь.
Там в верхней сфере – смертный бой.

И вот ещё совет такой:
На Чушке линия, как раз.
Строй строго фронтом этот бой,
Вдоль не ходи, так больше трасс.

Онебин

– Товарищ командир, всё ясно.
Проспят, так это не опасно.

Корней

– И ладно, ты не увлекайся.

По пустякам не отвлекайся...
Да, кстати. Орден привезли.
Тебе вручать сегодня будут.

Онебин

– И танцы будут разлюли!
Чтоб девочки любить могли.

Здесь помогли ему приладить парашют под зад. Потом в кабину он полез, команду “запуск” дал, Свой шлемофон прилаживал и радио включал. Комэск с Серёгой отошли к хвосту, назад.

Радиопереговоры в наушниках

Куда ты, дура, лезешь?
Направо уходи!..
Вон сверху фоккер, видишь?
Хвост, Колька, береги!..
Крути от солнца, слышишь?
Плотнее, вашу мать!..

Всего, что было выше,
Увы, не передать.

В эфире он удельный князь,
Настроен на волну.
С ведомыми проверил связь
И отбыл на войну.

Сюжет третий

Гляди, горят на Чушке танки!
Закончен их бесславно путь.
Ржаветь легли брони останки.
Германии их не вернуть.

Бойцы к востоку повернули.
Над плавнями идут, скользя.
Холмы удачно обогнули.
Чтобы полёт не вышел зря.

Идут соколики до дома.
Кубани лента там, гляди.
И вдруг, обозная колонна.
Да, юнкерс-транспорт впереди!

Команда на атаку немца.
Решение, как бой велит.
А сам он, по велению сердца,
По головам врага летит.

Летит, и рёв мотора страшный
Пугает, кони рвут узду.
Обоз, как в схватке рукопашной,
Напоминает тел грядущу.

В хвосте, колонну замыкая,
Броне-коробка бьёт огнём.
И он, над нею пролетая,
Удар почуял и в подъём.

Послушен ил, пилот от Бога.
Но вот беда, вдруг встал мотор.
И лопасти, два мощных рога,
Застыли, свой признав позор.

Теперь он больше не Валькирия.
Скорее от дороги прочь!
Тяни, и в плавни от бессилия
Сажай машину, Бог в помочь.

А море камышей всё ближе.
Взлететь не сможет больше ил.
Тяни! Да некуда уж ниже.
Фонарь! Чтоб он не заклинил.

Вот бьёт по крыльям и винту.
Шум, брызги, клочья от стеблей.
Посадку будет помнить ту,
Найди посадку веселей!

Удар, и въехал ил на кочку.
Беспомощно на ней застыл.
Ты не пилот. Судьбу – на бочку!
Ходок, а плавать не забыл?

Долой шелка, планшет под мышку.
На плоскости стоит герой.
Дорога там видна немножко.
А обнаружат, будет бой.

А друга три вблизи летают.
Им б командира отыскать.
Бензин последний свой сжигают.
Им вынужденную искать.

Давайте, уходите срочно!
Меня тут вам не увидеть.
Они исчезли. Как нарочно,
Мотора шум теперь слышать!

Свежа февральская купель.
Бредёт он в камышах бескрайних.
Побрёл от самолёта вдаль
На встречу дней своих фатальных.

Тот край, куда попал Онебин,
От древних лет Тмутаракань.
Стать русским выпал ему жребий.
Казачий край, страна Кубань.

А в откровениях Геродота,
В том томе, что писал Страбон,
Там сказано впервые что-то,
Как этот мир познал закон.

А в чернозёмных снах кубанских,
В станицах и на хуторах,
По скатам на холмах таманских
Нашёл судьбу с Сечи казак.

Да, это он ходил под Краков.
Султану слал свой приговор.
Он верой с Русью одинаков.
Он сын набегов, но не вор.

Пришла пора признать царицу,
Тогда он на Кубань пришёл.
А был ушедший за границу.
России турок предпочёл.

Прошли века, а в них казаки
Царю, и родине верны.
Не взяли пули их, но враки
О жизни без царя сильны!

Кубань, прекрасная страна,
Лиманов ширь, морей утёсы,
Тебе марксизма был дана.
В тебя текли и кровь, и слёзы.

Тот край, куда попал Онебин,
Начальной Меотиды мир.
Кубани дамбы, лёд и снега,
Протоки, гривы, плавней пир.

Часть вторая

Сюжет первый

Февральский день не долог, вечереет.
Он камышами шёл, пришёл к реке.
Здесь поворот её, она петляет.
А там сады и хутор вдалеке.

Он влез на дамбу, сосчитал потери.
Остались в плавнях крага, шлем, планшет.
А ноги в унтах быстро леденели,
Шинель дубеет, на ходу шуршит.
Собаки в лай, свой хутор охраняя.
Казаче вышел, вскинул винторез.
А выстрел грянул, будто повторяя
Слова: "Пошёл! Зачем ко мне полез?
Куда ты лезешь в деле непутёвом.
Когда б хотел, то взял тебя живым.
Но я не стану на пути фартовом,
Сдавать тебя, покуда погодим."

Всё ясно нам. Ведь пуля говорлива.
Идя в обход, он материт стрелка.
Идёт по дамбе, а Кубань шумлива.
Идёт впотьмах и ищет огонька.

Он ищет огонька, как жизни ищут.
Ему б в тепло и высушить бельё.
Жить можно как-то без воды и пищи,
Но на морозе дохнет вороньё.
Не выйдет, ведь война на середине.
И к немцу в лапы тоже нет пути.
Ты лётчик, и твоя судьба в машине.
К своим твой путь, дойти иль доползти!
Идёт Онебин, мрачно размышляя.
Идёт, бредёт и ищет огонька.
Блеснул огонь, и, шаг свой ускоряя,
Он шёл у нему с надеждою, пока...

Но этот опыт тоже неудачен.
Тук-тук в окно, и враз погас огонь.
И голос старческий почти что плачет:
"Иди, мил чоловік, а нас не тронь!"

Так, просят слёзно две сестры старухи:

“Иди чуть дальше, к нам не заходи.”
“А дальше что? Зачем такие страхи?
Мне б только к печке да воды попить!”
“Иди, мил чоловік, там дальше примут.
Там, чуть пройти, там хата у реки.”
Коль надо, эти слёзы душу вынут.
Не сказаны слова его крепки.
Но вот дела! Прошёл он метров триста,
Там хата под соломой вдалеке.
Стоит она одна, в тумане мгlistом,
Но ставни, позабудь об огоньке.

А где то там, похоже, у железки,
Залаяли зенитки, в ночь налёт.
В сто лун у бомбы результат подсветки.
И осветлил округу дня приход.

Раскрыл тот свет картину на заказ.
И мазанку, и дверь с замком висячим.
Пуст двор и конура, звучит приказ:
Ломай замок, иль пропадёшь иначе.
Семь бед, в ответ сломал замок Онебин.
Его ТТ сработал, как фомич.
На ошупь в комнату, минуя сени,
И к печке, где тепло хранит кирпич.
Тут повезло. Есть спички на печи.
И лампа на столе, и хлеб в буфете.
Хозяев, парень, ночью не ищи.
Смотри скорей, за что теперь в ответе.

А в горнице той есть за что ответить
Тут всё, что надо, даже сапоги.
На стенке фото, можно заприметить.
Вот немец офицер и казаки.

Он понял всё, но что это меняет.
Раз повезло, последний бой не здесь.
Он одежонку всю долой скидает.
И греет тело самогонки смесь.
Назавтра будут лётчика искать.
А пусть поищут, плавни велики.
Ему бы только здесь чуть-чуть поспать.
Уйдёт, поймать – им руки коротки.
Но он не лезет прямо на рожон
И пишет по-украински письмо.
Когда война, то он вооружён,
Но лучше мир, вдруг парень не дерьмо.

Вот когда герою пригодились уроки украинского в школе родного Донбасса. Ниже, перевод письма Онебина, написанного левой рукой:

“Прости, тебя я малость разорил.
Я вижу, ты на фото парень бравый.
А мне ходить осталось мало сил.
Хоть мы дерзаем каждый своей славы,
Но немец редьки всё равно не слаще.
Тебе оставляю барахло моё,
Меняю на него твои я вещи.
Теперь пойду к своим, тебе Бог в помощь.
Не лезь под пули, паче под мои.
Господь рассудит нашу дурь и немощь.
Молчи, казак, и тем мне помоги.”

Сюжет второй

Большой и светлый класс станичной школы служит приёмной атамана. Под портретом фюрера, недалеко от образа Николы, сидит мужик лет сорока, а на скамьях – казачья власть на местах. По праву руку от атамана сидит тоже большой чин, обер-полицай, начальник полиции всей округи. Казаки говорят по-русски, но не чисто. А если по-украински, то не совсем. Казачий диалект доходит быстро, отдельные слова по тексту мы оставляем в оригинале.

Базарят казаки все разом, что-то обсуждая. По леву руку от атамана сидит пожилой заместитель. И вот, дебаты жаркие в приёмной прекращая, “Сюда послухай!” – атаман, молчавший, вдруг кричит. Затихли казаки, лишь кое-кто ещё ворчит. “Эвакуация” – вот слово, что в тиши звучит. “Чи шо не ясно, приходи. А списки з хуторов мне завтра заготовить.”

Но вспомнил что-то обер-полицай, и атаман ему: “Да, главный, продолжай!”

– Вчера приказ от герра коменданта.
Есть группа. чтоб искать двух летунов.
Поймать орлов он зер интересанта,
И будет премия до двух коров.
Глядите, в двое суток не померли,
Они по плавням к фронту поповзут.
Там их прижучат, если не попэрли,
Не стали в хуторах шукать приют.

Голос

– Так гди ж аэроплан-литак тот збитый?

Атаман

– У дамбы, что идеть к Курчаньской споро.
Они, народ пилоты, ой, сердитый.
И где их пулемёт, пулявший скоро?
А ты, Мовчун, пройдишь таперь по хатам.
Шукай там их и присмотрись к мордатым.
Поближе будет, може где и спят.
Глядайте уси, бо дорог плен солдат.

И очень интересно факт отметить.
Мовчун, кого Онебин смог приметить.

И голос: – Будут мне нужны коровки,
Когда в неметчину нам выходить! —

Замолкли все, но заместитель: – Ловко!
А чем ты табор мыслишь хорчувувть?
Я, браты, памятаю рок двадцатый,
Ховали мы коровок по ярам.
Таперя тут цельком не то, ребята,
В Новороссийск не вяпаться бы нам.

Тогда стратеги, царски генералы,
Нас бросили червонным пропадать.
Удрать успели. Было их не мало.
А можно ещё было воевать. —

Голос

– С Россией разве повоюешь много?”

Заместитель

– Как нас не кинут, нам одна дорога.
Готовьтесь, хлопцы. Будет нам исход.
Не дай нам Бог ещё двадцатый год.

И поднял руку грозный атаман:
“По коням, думаю, всё ясно вам!”

Сюжет третий

Во сне летал Онебин снова.
Кричал: “Ребята, уходи!”
Проснулся, видно, от озноба,
Что сон оставил позади.
В землянке и темно и сыро.
Остыло, что костёр нагрел.
Залаяли вдали визгливо,
И он в тревоге встал и сел.

Прислушался: “Нет, показалось.”
Но вынимает пистолет.
“Похоже, зря я испугался.
Кто на болоте...” Хрустнул лёд.

Он вылез, надо удирать.
И вдруг слова: – Не торопись.
Не торопись. Не смей стрелять!
Один с собакой, не боись! —

Онебин

– По одному и выходи.
Убрал я пушку, не шути.”

Из камышей выходит полицай
С собакою, а шмайсер за спиной.
Привязывает пса: “Молчи, не лай!”
Сняв сапоги залитые водой
Её он быстро, ловко выливает.
Потом, отжав портянки, надевает.

Мовчун

– Знайкомимся, а мэнэ звать Грицай.

Онебин

“Иван. Твой гость ночной и твой должник.
Но только нынче, ты не осерчай,
Не я, а ты не званный чоловик.”

Мовчун

– А мне чего серчать, пойдём в землянку,
Да с воблюю горилки разопьём.

Мне надо обсушиться. Спозаранок,
Бог даст, отсюда мы удвох уйдём.

Костёр горел, валежник разгорелся.
Порты Грицай развесил, пар валит.
Достал краюху, рыбкой расщедрился,
И со знакомством чарка веселит.

Мовчун

– Ты, Ваня, може лётчик не плохой,
А коли сбили, усяки дни бувають.
Но на земле ты просто хрен с душой.
Хто ж шмутки полицаю оставляет?
Мне Найде только дать нюхнуть и свистнуть,
Да по буграм туда-сюда пройти,
Тоби найти ей просто, вроде, дристнуть.
Того, кто здесь, найдёт, как не крути.

Онебин

– Но я нарочно взял не на восток.

Мовчун

– Куда б не взял, всё будешь на гребнях,
Я их тут бачу все, вот – мой лежак.
Тут всё на десять вёрст в моих руках.
И пусть не я, а всё ж тебя б нашли.
Мы не таких героев обошли.”

Онебин

“Выходит, ты меня почти что спас.
Скажи, зачем тебе, тогда я пас...”

Мовчун

– Чого? Отложим... Это нелегко.
До рятування нынче далеко.
Да ладно, отгони печаль ты прочь.
Тебя уже ищу и день, и ночь.

Онебин

– Так ты сказал, что сей топчан
Законно твой, коль я не пьян?
А я решил, артель жила.
Там дальше, место для котла.

На островке нет блох и мух.
Кругом вода, а пол, вот, сух.

Мовчун

– Да, гребень-остревиц, он тоже мий.
Моих дядьков. Их знае уся Кубань.
Здесь Мовчуны держали смертный бий.
Когда попался батько Рябоконь.

Онебин

– Так что це за история, расскажешь може.

Мовчун

– А расскажу. Покой их души, Боже.
Порты подсохнут, будем собираться.
Тебе на хутор надо перебраться.

Онебин

– На хутор, да за печку, против я?
А только здесь ведь тоже не свербит.
Я мыслю, пробегут здесь дни не зря.
Забудут про меня, и фронт спешит.

Мовчун

– Всё правильно, но не учёл одно,
Што будэ чрез неделю здесь твориться.
Ломае дида крипко и давно.
То оттепель идэ, идэ водица.
И сядешь ты без лодки до зимы.
А где возьмёшь? Переверну штаны.

Иван смеётся: “А надёжный дед?”

Не сумнивайся, не брехал сто лет! —

Онебин

– Уйдём, и что? Где хутор, там и власть.
Как в лапы к немцам сходу не попасть?

Мовчун

– Стоит у плавней хутор одинокий.
Семья иногородних там живэ.

Ты биженец, и с долею жорстокий.
Ёго ограбили, бумаги ждэ.
С папиром тем тебе я помогу.
Но ты молчи, о встрече ни гу-гу.
И вот еще деталь для завершения:
Ты здесь в гостях за три дня до падення.
И сразу лучше будь ты не Иван.
А хто, придумай сам, коли не пьян.
Да и кажи еще ты мне, так надо.
Куда девал ты своего камрада?

Онебин

– Скажу, чого тебе мни врать.
Один летал я воевать.
Больным свалился мой стрелок,
Сейчас он дрыхнет, как сурок.
Один я в этом поле воин.

Мовчун

– Ну, что ж. Вам повезло обоим.
Давай хлебнём по кипятку.

Онебин

– Давай, расскажешь байку ту.

Мовчун

– Нет, это – дума про казака.
Про партизана, а не врака.
Спою ко я тоби, хохол,
Спою тоби наш гимн кубанский.
Что сотник Рябокось певал
В той жизни прошлой партизанской.”

Песня. Слова священника Константина Образцова.

Ты Кубань, Ты – наша родина.
Войсковой наш богатырь.
Многоводная, раздольная,
Разлилась ты вдоль и в ширь...

Из далёких стран полуденных,
Из турецкой стороны,
Бьём челом Тебе родимая,
Твои верные сыны...

О Тебе здесь вспоминаючи,
Песни дружно мы поём
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом...

О Тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага, на басурманина,
Мы идём на смертный бой...

О Тебе здесь вспоминаючи,
За Тебя ль не постоять.
За Твою за славу старую
Жизнь свою ли не отдать.

Мы, как дань свою покорную
От прославленных знамён
Шлём Тебе, Кубань – родимая,
До сырой земли поклон...

Часть третья

Сюжет первый

Дума про сотника и партизана,
Которому имя – Василь Рябоконь.
Рассказана ночью пилоту Ивану
В землянке, где греет кострища огонь.
Её герр Грицай не спеша изложил,
Пока свой мундир полицейский сушил.

* * *

Мовчун

– Я спел тебе наш гимн, Иван.
Он мне, как дар отцов.
Звучал он людям разных стран,
Он песня русских слов.
Казак на службу бодро шёл
В веках святой Руси.
А нынче видишь – вот орёл,
И песен не проси.

Сдалась Россия на позор
А нам куда идти?
Да, нам, казакам, с ней в дозор
Теперь не по пути.
Преступный и кровавый ряд
По весям, Русь, твоим.
А здесь большевики хотят
Кубань свести совсем.
И вы хохлы да москали,
Как прежде их рабы.
Понять ещё вы не смогли,
Какие вы дубы!

Война идёт туда-сюда,
Что лето принесёт?
Нам Гитлер вольность обещал,
Нам с ним идти в поход.

* * *

Монолог казака Мовчуна

Дней прошлых мы не забывали.
Дядя здесь долго воевали.
А Рябоконь – певец из первых.
Он в хоре войсковом служил.
А в бунт не принял он неверных.
Сражаясь, чин свой получил.
Он был из Гривенской, у плавней.
Обличьем был он витязь славный.

Они с братом за батьку мстили,
Его совдепы порубили.
Порядок он завёл такой:
Убит казак, забудь покой.
А продрозвёрстки сколь отбили,
И тем хозяйствам подсобили?

А как удрали генералы,
Он сразу в плавни перешёл.
Там сил собрал на рать немало,
И катов боем превзошёл.
Десант встречал в двадцатом годе,
Помог он белым в том походе.

Силёнок было мало.
В станицах пусто, нет казаков.
Ушёл десант, не бросил дело.
Мать потерял он, не заплакав,
Коль двести расстрелял чека
В залог счастливых дней, пока...

Читал Ринальдо Ринальдини?
Он, как Дубровский. Ты читал!
А наш черкес – герой Кубани.
Предателей Василь стрелял.
И в плавни враг входить боялся,
Край воли вольной состоялся.

Тут нет Свердлова директивы
И плана Янкеля, стрелять.
А пуля казачков готова
Насильникам их кровь пускать.
Война здесь шла лет пять иль шесть.
Свидетели сегодня есть.

Его поймали комиссары,
Когда на базу набрели.
Погибли все, его связали,
В подвал на пытки повезли.
Война в тот год уже здесь тлела,
Без батьки плохо стало дело.

Пошёл террор по всем станицам,
Кому за жертвы заступиться?
Но бегал плавней враг кровавый,
Казачи прятали добро,
И лошадей вели со справой.
Смертям в Сибири всем назло.

* * *

Жаль нету фотохроники тех дней
С ней было бы намного веселей.
Для Нюрнберга, который вновь грядёт,
Потребуются факты, выдать счёт.

Сюжет второй

В бескрайних плавнях ветер разгулялся,
И сбылся тот прогноз, что дед давал.
Сначала снег, а после дождь прорвался.
Весна мороз кончает наповал.

Бредут тропюю тайной две фигуры.
Где по колено, где повыше тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.